

ББК 84.Р7
П 32

Пикуль В.

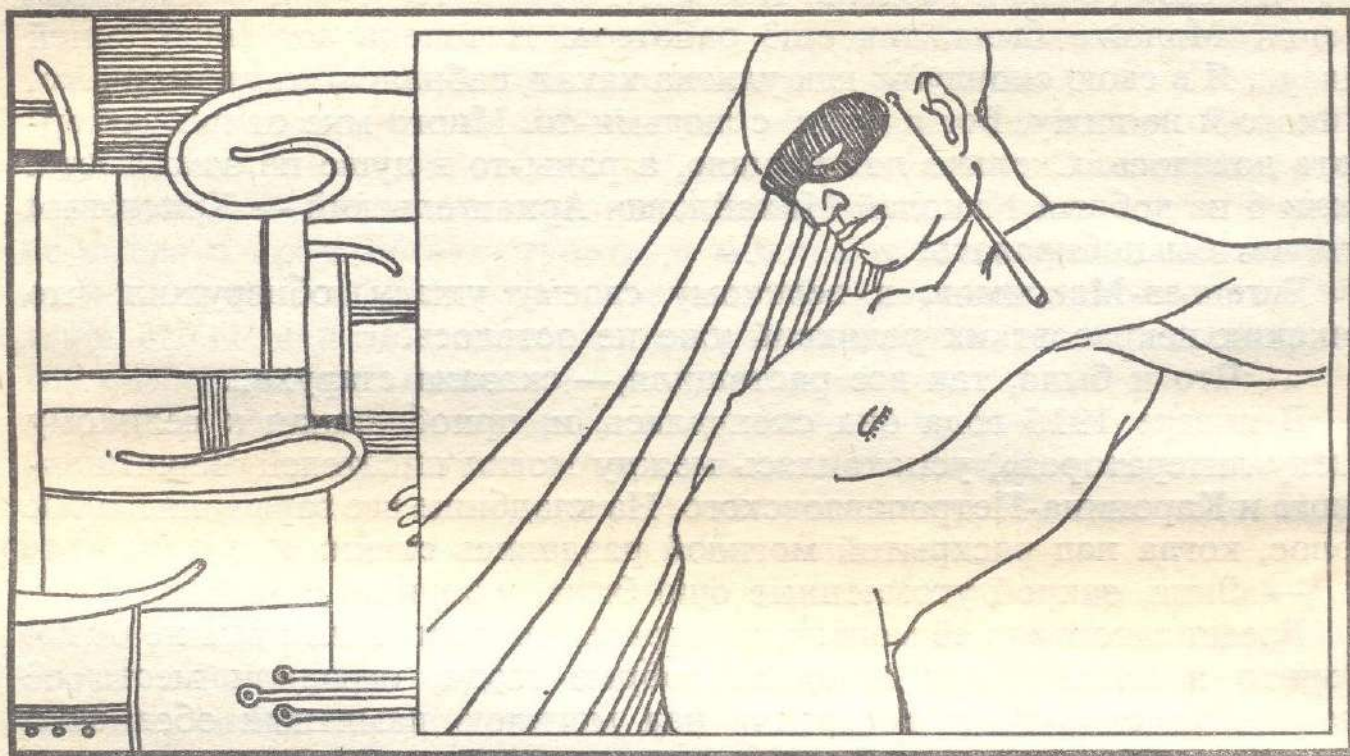
П 32 Исторические миниатюры, — Рига, фирма «ИМПАКТ»,
1994.—512 с., ил.

Исторические миниатюры В. С. Пикуля очень известны. Но в настоящий сборник в основном включены неопубликованные ранее. Эти яркие штрихи истории будут хорошим сюрпризом для читателей.

Эта книга издана при содействии акционерно-коммерческого Белорусского промышленно-строительного банка г. Минска

ISBN 5-86830-047-5

© «ИМПАКТ», «ПИК-ИНТРО»
составление и оформление
1994

В 1868 году научный мир Европы испытал нервное потрясение: в знаменитой лейпцигской фирме братьев Брокгаузов случился пожар, истребивший немало трудов ученых, уже готовых для типографского набора. Тогда же в поезде, идущем в Берлин, франтоватый молодой господин с элегантной бородкой, встретил плачущего старика. Успокоившись, тот сказал, что его слезы всегда можно понять, а тем более, простить:

— Заодно уж представлюсь — берлинский профессор Ценкер, двадцать лет жизни посвятивший составлению арабо-немецкого лексикона, который фирма Брокгаузов превратила в пепел.

— Представлюсь и я, — сказал франт, раскуривая сигарету. — Александр Ауэрбах, горный инженер. Только что выбрался из рудников Плауэнской долины, где взорвались гремучие газы, убившие в штреках сразу триста шахтеров... Герр Ценкер, после этого несчастья у Брокгаузов, что же вы намерены далее предпринять?

— Судя по всему, вы тоже из немцев, а потому знаете, как мы, немцы, упрямы. Вернусь в Берлин и стану составлять лексикон заново, угробив еще двадцать лет жизни.

Ауэрбах, как бы выражая сочувствие профессору, выдержал паузу, отвечая затем, что он себя немцем не считает:

— Я сын врача из города Кашина, тверской дворянин. А вы мой коллега по несчастью. Я составил таблицы микроскопического опреде-

ления минералов, весьма горячо одобренные фрейбергской горной академией, и вот... они сгорели в одном пламени с вашим лексиконом.

— Ужас! — воскликнул Ценкер. — Наверное, вы, как и я, намерены восстановить сгоревшее? Сколько вам потребуется лет?

— Не лет, а недель, — усмехнулся Ауэрбах. — Но я, профессор, слишком берегу свое время, и здесь проявляется моя широкая русская натура: я решил плюнуть на эти таблицы, чтобы заняться практической работой на благо России...

Бедный Ценкер! Он так и умер, не успев воскресить свой лексикон, а инженер Ауэрбах, исходя из гениального русского принципа «плевать на все!», сразу забыл о своих таблицах и укатил домой, чтобы сделаться в России не кем-нибудь, а — «ртутным королем».

Да, читатель, были у нас разные короли — чайные Боткины, сталепрокатные Мальцевы, мануфактурные Морозовы, игольные Гиршманы, булочные Филипповы, стекольные Бахметевы, сахарные Бродские, фарфоровые Кузнецовы, гастрономические Елисеевы и прочие. А наш герой всколыхнул в сонных недрах земли тяжкие и ленивые облака ртути — вредной и всем очень нужной.

— Да что там ртути! — говорил он под старость. — Вы бы посмотрели, за что я смолоду не брался? Если бы у нас в Неве крокодилы водились, я бы наверняка устроил на них охоту, чтобы выделывать прекрасные дамские сумки...

Дедушка владел фаянсовой фабрикой в деревне Кузнецово, папа был доктором, а мама — дочь полковника Берггольца (из саратовских помещиков). Детей тогда не баловали, на шее у родителей не засиживались. Саше Ауэрбаху не было и двенадцати, когда его отдали в Горный Корпус, и не было двадцати, когда выпустили из Корпуса в чине поручика. Казна отсчитала ему 21 000 рублей, его послали бурить у Царева кургана на Волге, чтобы разведать — есть ли там уголь? При этом поручик истратил лишь 16 000 рублей, за что и был награжден орденом св. Станислава. Горный Корпус стал тогда просто институтом, военные чины отменили, Ауэрбах превратился в титулярного советника, которому, если верить словам известного романса, на генеральскую дочь лучше не засматриваться...

Профессор Еремеев как-то поманил его пальцем:

— Идите-ка сюда, милейший... Так же нельзя! — сказал он. — Всей земли вам все равно не пробурить, и нельзя забывать о будущем. Я держу вакантную должность адъюнкта по кафедре минералогии, а вы... О чем думаете, милейший?

Склонный к подвижности, очень активный, может, Ауэрбах и не стал бы «возиться» с диссертацией, но сказочный мир турмалинов заманил его в игру волшебных оттенков, и диссертацию он защитил, когда ему исполнилось 24 года. Еремеев сказал:

— Очень хорошо, милейший, но ученый только тогда становится ученым, когда пронаблюдает, что делают его коллеги за границей. Вот и езжайте. Я вам дам рекомендации к профессорам Деклуазо, Рихтеру и Шрауфу... Сколько вам надо времени?

— Хотя бы год,— прикинул Ауэрбах.

На целый год его отправили в Европу и вскоре «Горный Журнал» стал получать от него научные статьи. Ауэрбах исследовал целестин, лобрадор и топаз, изобрел гониометр для измерения кристаллов, в Горной академии Фрейберга слушал лекции, осмотрел в Европе все горные коллекции, которым составил научную опись — для публикации, а потом вернулся на родину.

— Ну-с, милейший...,— встретил его Еремеев,— приступайте... Вам светит очень яркая звезда профессуры!

Читать лекции он не любил. Как раз в те годы началась «угольная горячка», искали залежи каменного угля в Подмосковном бассейне, куда хлынули русские и иностранцы. Ауэрбах выезжал разведывать запасы угля, соблазненный гонорарами от Лондонского банкирского дома «Томсон и Боннар», но вскоре переметнулся к французам, которые уговорили его оставить профессуру, о чем он известил профессора Еремеева.

— Павел Владимирович,— сказал адъютант,— вы на меня не обижайтесь, но стоять на месте не могу — я должен танцевать.

— Черт с вами... танцуйте!

Французам он доказал, что качество подмосковных углей ниже тех, что таятся в недрах Донецкого бассейна. В это же время — проездом через Тульскую губернию — Ауэрбах встретился с сестрами Берс, через них познакомился с молодым Львом Толстым, который тогда ещё не взирал на мир из-под насупленных бровей, а был молодым и веселым офицером в отставке. У сестер Берс гостила тогда Софья Берггольц (племянница писателя Евгения Маркова), и вся эта компания устроила пикник в вечернем лесу. Ауэрбаху очень нравилась Софья, улучив момент, он сказал ей:

— Я ещё не знаю вас, но знаю вашу фамилию, ибо моя мамочка носила её же в девичестве. Однако... Что бы мне сделать для вас? Хотите, я подожду вон тот стог сена?

— Зачем? — удивилась девушка.

— Тогда вы меня не сразу забудете...

В январе 1872 года они уже сыграли свадьбу и отправились на юг. В дороге Ауэрбах говорил жене, посмеиваясь:

— Не взъежи, моя прелесть, но волшебной жизни не сулю: поспеши в Таганроге, а я буду мотаться по холмам Донбасса...

Первые русские рельсы, по которым поехала Россия, были прокатаны в Юзовке (ныне город Донецк), где англичанин Джон Юз владел и угольными копями. Хотя этот Юз и просил называть его «Иваном Ивановичем», но русский язык так и не освоил. Ауэрбах в поисках угля, конечно, не раз навещал Юзовку, где колония англичан имела клуб, устраивала конные скачки, евреи обзавелись синагогой и хедерами, а русские, если им не хватало места в бараках, отрывали норы из недр земли, посылая всех «подальше». Александр Андреевич в своих записках не забыл отметить, что «у русских англичане заимствовали только одно: нашу брань и питье водки, которая пришлась англичанам

по вкусу, и которой они так злоупотребляли, что многих из них Юзу пришлось отправить обратно в Англию...»

Наконец, Ауэрбах сыскал два угольных месторождения — коксового близ Юзовки, а второй уголь (с пламенным горением) нашел ближе к Днепру. Но земли, которые он пронзал бурами, были не казенными — частными... Петр Николаевич Горлов, основатель знаменитой «Горловки», где он заложил могучие шахты (потом носившие имена Ленина и Сталина), — вот этот горный инженер, отлично знавший всю область (позже названную Сталинской) предупредил Александра Андреевича, когда они мылись в бане:

— Но уголь, найденный вами, укрылся от людей на землях братьев Рутченко и господина Шабельского. А эти помещики не дураки, чтобы своих огурцов и помидор лишаться, лишь бы доставить удовольствие вашей французской компании... Понимаете?

Ауэрбах понимал, и, прихватив из Таганрога жену, он не раз мотался в Париж, доказывая прижимистым французам, что Рутченко и Шабельский сейчас ещё скромны в своих желаниях, но пройдет время, в этих местах гугукнет паровоз и тогда...

— Тогда эти огурцы с помидорами будут стоить дороже! У господина же Шабельского многотысячное стадо тонкорунных овец, которых он резать на мясо не станет... где их пасти?

Возвращаясь из Парижа Ауэрбах, задумчивый, сказал жене:

— Соня, ты была ли когда бедной?

— Нет, Саша, а... что?

— Думается, ублажать европейцев мне скоро надоеет, просить же профессора Еремеева о возвращении на кафедру минералов стыдно, и вот... Не придется ли сидеть на бобах?

— У тебя, дорогой, слишком широкие замашки, ты больше похож на купца, а никак не на дворянина, — упрекнула его жена. — Твой папа в Кашине, сам рассказывал, брал с пациентов по гривеннику и нужды не испытывал. А ты гребешь деньги лопатой и... Впрочем, я тебя люблю и последний бобик на нашем столе разделим пополам.

Ауэрбах порвал с французской компанией, решив пожить, как он говорил, «на подножном корму». Это случилось в 1876 году; тогда же он с женою вернулся в Петербург.

— Впрочем, я могу быть доволен, — рассуждал он. — Именно моими стараниями в Таганроге состоялся первый в России съезд горнопромышленников, и мы, горные инженеры, всколыхнули многих. Скоро весь Донбасс начнет укладывать рельсы и шпалы новых дорог. Я уже вижу русский Манчестер с портами в Азовском море...

.....

Говорить о Донбассе и умолчать о шахтерах было бы непростительно. Появилась как бы новая порода тружеников на Руси, и первые шахтеры были, скорее, изгоями общества, у которых паспорт лучше не спрашивать, иначе сразу «получишь в соску».

Паспорт, как таковой, ещё не играл большой роли в жизни русских людей. Когда Ауэрбах впервые появился в Таганроге, он послал

с дворником паспорт в полицию ради его прописки. Почти сразу прибежал к нему пристав, даже перепуганный:

— Господин Ауэрбах, что случилось? Мы в полиции головы ломаем и никак не поймем, за чем вы паспорт прислали?

— Как за чем? — удивился инженер. — Ведь я впервые у вас в Таганроге, так должны же в полиции знать, что я не жулик, не аферист, не шулер... вот и прислал — для прописки.

Пристав почти умолял его забрать паспорт обратно:

— Да бог с вами! Мы-то все гадали — что вам от нас понадобилось... живите на здоровьице, кому какое дело?

Так было с дворянином Ауэрбахом. Иное дело — шахтеры, у которых паспортов не было. Вернее, у крестьян, что пошли в шахтеры ради заработка, паспорта были, но каждый год их следовало отсылать обратно в деревню для обмена, а сельский писарь не шлет новых паспортов, ибо подати не оплачены, а денег своей семье выслал крохи... Тут бродяги иль беглые учили:

— На што тебе, лаптю экому, ишо паспорт иметь? Здесь и так хорошо, а домой, дурак, не пиши, чтобы податей не тягали... Жена-то? Да ну их, баб энтих! Заводи «мадаму» себе...

Когда Ауэрбах работал в Донбассе, Софья Павловна содержала у себя на кухне сразу трех беспаспортных: саперного поручика, бежавшего от жены, попа-расстригу, утекнувшего от гнева синодского, и купеческого сыночка, от долгов удравшего. Они хозяйке раков ловили, чтобы она их с кухни не прогоняла. На шахтах Александра Андреевича лишь 100—150 человек имели паспорта, — остальные же при найме говорили о паспорте:

— Б ы л! Но жена померла — с собою взяла...

Ауэрбах писал: «Сознавая, что от голодного нельзя требовать хорошей работы, я кормил своих шахтеров возможно лучше, отпуская на каждого по фунту мяса в день и давая в обед по чарке водки». А соседние шахтовладельцы, кормившие своих работяг «кандёром» из пшенки без масла, «чуть в революционеры не произвели меня из-за этого вот фунта мяса...»

Александр Андреевич жене говорил:

— Рабочий может быть доволен хозяином лишь в том случае, если увидит, что я могу присесть к их столу и поесть заодно с ними с таким же аппетитом, с каким ем домашнюю пищу...

Он прав! Так же поступал он и с виновными. Зная, как шахтеры боятся суда, Ауэрбах никогда не призывал полицию:

— Вмешиваться не стану — разберитесь сами.

«За разные проказы и буйства артельный суд в большинстве случаев приговаривал товарищей к телесному наказанию», — и секли друзей так, что полиция могла бы ещё позавидовать. Воровства среди шахтеров никогда не было, а если такое случалось, вора выводили на базарную площадь, привязывали на весь день к столбу, а на грудь ему вешали доску с надписью: «Не воруй, сволочь!» Жилища у шахтеров Донбасса были попросту ужасные («у хорошего хозяина, — писал Ауэрбах, — скотина содержалась лучше, нежели наши несчастные шах-

теры»), и потому он построил для них в Кураховке чистые добротные казармы, где для каждого отвел угол. И случилось чудо: его углекопы вдруг стали бриться и ходить в баню, завели котелки и даже тросточки; пьянство уменьшилось. Иные форсили часами перед девицами, вынимая их из кармашка жилета когда надо и не надо:

— Не желаете ли, мамзель, узнать точное время? Уж больно вы пронзили мое сердце, а потому извольте — уже пол-восьмого... Как раз время прогуляться нам до канавы, а потом и обратно...

Перестали шахтеры заманивать к себе «мадам» с улицы, многие вызвали из деревень своих женушек и детишек. Ауэрбах выстроил для семейных отдельные домики, довольный тем, что довольны люди, и сами же шахтеры потом признавались ему:

— Коли вы из землянок нас вытащили да на чистую постель уклали, так нам самим захотелось по-людски жить, чтобы прохожие от нас не шарахались. Ну, а коли когда и раздавим бутылку, так вы не серчайте... без этого нам нельзя!

... Вся эта прежняя жизнь в Донбассе поминалась потом в Петербурге, как лакомый кусок молодости, а будущее настораживало. Его причислили чиновником к Главному Горному управлению, но делами не отягощали. Тут его привлек барон и банкир Гораций Гинзбург, владевший соляными промыслами близ крымской Евпатории. Ауэрбах повысил добычу соли, заметно обогатив банкира, и без того богатого, но сам богаче не стал.

Уже подрастали трое сыновей — пора о них думать.

Он предупредил Софью Павловну, что судьба, оторвав его от юга, поворачивается к северу: его начали соблазнять службою в качестве консультанта миллионер Асташев, графы Шувалов и Воронцов-Дашков, владевшие золотыми приисками в тех самых краях, где хорошо бы волков морозить.

— Сонечка, — сказал он жене, — мне уже скоро тридцать пять лет, но до сей поры мои знания и моя житейская сноровка обогащали только других. Не пора ли, я думаю, завести дело, чтобы обеспечить детей и принести пользу Отечеству?

Жена, ездившая в Тамбов навестить своих родичей, сообщила, что наследники тамошнего богача Башмакова, недавно умершего, желали бы видеть его своим управляющим. В театре Ауэрбах случайно встретил балетомана Скальковского, дельца и писателя, тоже из горных инженеров.

— Костя, брать ли мне башмаковские прииски?

— Тамошняя медь дороже золота, — пояснил Скальковский.

— Чего в округе не хватает?

— Ума и морали.

— Ты рассуждаешь, как писатель, а меня волнует иное...

Богословский округ (ныне там городишко Карпинск) в давние времена принадлежал масону Походяшину, который делился доходами со знаменитым Н. И. Новиковым, издававшим книги для мистического понимания. Сколько лет прошло с той поры, а Богословский округ,

вписанный в северный угол Пермской губернии, оставался для русских людей так же неведом, как и жюль-верновская Патагония...

— Надо ехать, — сказал Ауэрбах жене, — в эту дыру.

— Что ты, милый, всегда выбираешь какие-то «дыры»?

— Через эти «дыры» лучше видится будущее России...

Приехав, Ауэрбах понял, что здесь уже конец света. Сам поселок был заброшен, половина домов заколочена, жители разбегались, на дорогах грабили, население в основном составляли потомки каторжан или беглые, на приезжих они глядели, как волки на барашков, было лето, на вершинах окрестных гор, поросших хвойным лесом, снег ещё не растаял, еда была отвратительная, хлеб невыпеченный, на приисках шевелилось золотишко, удобное для хищений, а сам медеплавильный завод напоминал громадный сарай. Ауэрбаха прежде всего поразила всеобщая нищета, виною чему были ничтожные заработки рабочих. Он даже ужаснулся, когда поговорил с пожилым плавильщиком.

— Сколько часов ты жарись у плавильных печей?

— С шести утра до шести вечера.

— А сколько тебе платят в этом пекле?

— В день загребаю сорок пять копеек. Так я же — старший, а те, что помоложе, и пятаку радуются.

— Ладно. А сколько хлеб стоит?

— За пуд эдак рубля полтора.

— Как же ты живешь, братец?

— Как все, так и я...

Все жили отвратительно плохо. И уж совсем стало тошно, когда вечером подслушал с улицы волшебный диалог двух аборигенов:

— Слышь! А где Степан-то?

— Да он дома. Пьяный лежит.

— А ты куда?

— Похмеляться к Федору... Пошли вместех?

— Да я пошел бы. Не могу.

— Чего так?

— Меня Иван звал.

— А что у Ивана?

— Обещал выпивку. Вот, иду.

— И я тоже. Пошел. Прощай, брат!

— Будь здоров, друг ситный.

— Заходи когда, — слышалось с улицы. — Может, выпьем.

— Зайду. Похмелимся...

«Шекспир, где ты?» — подумалось Ауэрбаху, и свою первую встречу с местными властями он начал словами:

— Так жить нельзя. Пока не повысим ставки рабочим, пока водку не заменим театром и душеспасительными лекциями, от Богословска ничего ожидать нельзя, округ обречен на вымирание. Бегут — и я бы убежал!

— Александр Андреич, — отвечали ему, — вы человек новый, всех наших дел знать не можете, а тут такая шваль собралась, что им не театр, а веревку надобно, дабы всех перевешать...

Вернувшись в Петербург, он, подавленный, сказал жене:

— Мои беспаспортные шахтеры Донбасса, эти беглые и бродяги, сейчас представляются мне лишь наивными идеалистами по сравнению с теми, кого я видел в Богословском округе...

Но, уже раззадорясь тем, что его, как последнего дурачка, высмеяли, сочтя Дон-Кихотом, Ауэрбах сам просил назначить его Богословским горным начальником.

— Только не мешайте, — предупредил наследников покойного каменера Башмакова. — А тебе, — сказал он Софье Павловне, — предстоит пожить без меня, пока я там не сооружу над головой крышу...

Начал он круто, объявив рабочим, что станет платить не поденно, а лишь сдельно по наглядным результатам труда.

— День-то прожить нетрудно, благо в любом случае, даже если вы дрыхли, вам деньги все равно платят. А я стану платить не за то, что прожито, а лишь за то, что вами сделано...

И сразу возник бунт, ибо порядки ещё со времен Походяшина казались всем нерушимы, а в словах Ауэрбаха рабочие усмотрели хитрый подвох. С этого времени он получал подметные письма с угрозами убить его. Но Ауэрбах не уступил, целый год прожив в небывалом напряжении нервов, зато тот же плавильщик стал получать в день полтора рубля. С этого времени «рабочие прониклись полным уважением и преданностью к А. А., слово которого стало для них законом, а всякое его распоряжение исполнялось беспрекословно». До появления Ауэрбаха Богословский завод давал 17.000 пудов меди, а он довел выплавку до 50.000 пудов, и второе чудо произошло — перестали убегать, напротив, стали съезжаться в Богословск, заколоченные дома вновь задымили печами, пришлось строить новые, возникали новые улицы.

Александр Андреевич собрал на базаре народную сходку.

— Теперь, когда вы у меня малость разжились, я стану вас грабить... Не смейтесь! С этого дня каждый из вас будет отдавать два процента приработка в пользу общественного капитала, чтобы обеспечить пострадавших в труде, кого бревном придавило или обожгло у горна, чтобы создать при заводе детские ясли и, наконец, чтобы вы, звери, по вечерам в театр ходили...

Теперь на все были согласны! Потому что поверили.

Проездом через Пермь он навестил губернатора.

— Что вы ещё придумали? — осведомился тот.

— Увы, не я придумал электричество, не мною изобретен водопровод, но все это необходимо для того, чтобы в моем Богословске люди жили не хуже, чем рабочие в Бельгии... Смешно?

— Нет, — сказал губернатор. — У меня для вас новость, а вернее две новости сразу. Первая, для создания Сибирской магистрали скоро понадобится неслыханное количество рельс и одному Джону Юзу не справиться. Так что, подумайте на досуге о налаживании рельсопроката. Вторая же новость такова: наследники Башмакова решили продавать Богословский округ.

— Обрато в казну?

— По слухам, — отвечал губернатор, — Богословские заводы, как и золотые прииски, покупает какая-то знатная дама. Впрочем, в Петербурге узнаете все подробности...

Подробности таковы. Когда-то к порогу дома банкира Штиглица подкинули двух девочек-младенцев, и одна из них, Надежда Михайловна, стала женою статс-секретаря Половцева, который её приданое тратил на создание знаменитого училища имени Штиглица (ныне, читатель, названного именем В. Мухиной).

Надежда Михайловна, узнав о появлении Ауэрбаха в столице, просила навестить её в лужском имении Рапти — на берегу озера, где плавали белые и черные лебеди, она жила в сказочном дворце, наполненном сокровищами искусства (теперь там колхоз, а дивные скульптурные изваяния я сам видел в кучах навоза на скотном дворе). Половцева сказала, что покупает Богословский округ за шесть миллионов рублей.

— Дешево, правда? — поиграла она глазами.

— Сущая ерунда! — бодрым смехом откликнулся Ауэрбах.

— А я хотела видеть вас затем, чтобы просить остаться управляющим округом. Обещаю слушаться вас, словно паинька...

Ауэрбах понял: там, где о шести миллионах говорят как о шести рублях, можно не стесняться в расходах. Он сказал женщине, что согласен остаться с условием, если мадам Половцева уделит толику на создание железной дороги.

— Сколько же верст вы её планируете?

— Чуть более двухсот. Богословский завод протянет рельсы до станции Кушва Уральской железной дороги, а на реках Сосьва и Тавда надобно заводить собственное пароходство.

— Что ещё?

— Электричество. Водопровод. И... театр.

— Согласна и на театр, — отвечала Надежда Михайловна.

Ауэрбах сразу же повидался с И. А. Тиме, профессором Горного института (это отец известной советской актрисы Е. И. Тиме).

— Иван Августович, — сказал он, — я предлагаю вам прогулку по Европе, чтобы, высмотрев все самое лучшее в рельсопрокатном производстве, вы закупили все это лучшее для оборудования Богословских заводов. В средствах прошу не стесняться: мадам Половцеву нам разорить не удастся...

Профессор Тиме поклялся денег не жалеть. Был уже поздний вечер, когда Александр Андреевич, усталый за день от беготни, вернулся домой на Фонтанку, и жена ещё в прихожей шепнула, что его давненько поджидает приятель молодости.

— Может, я ошибаюсь, но кажется, он пришел выпивший и, очевидно, поджидает, чтобы ещё выпить...

— А-а, догадываюсь, что это Алеша Миненков. Здорово, дружище! — сказал Ауэрбах, заранее распахивая объятия, чтобы облобызать друга юности. — Ты откуда сейчас?

— Прямо из Бахмута.

— Выпить хочешь?

— Не откажусь.

— Давненько не виделись... Рассказывай, что у тебя?

Рассказ А. В. Миненкова был печален, а выпивка печали его не развеяла. Он сообщил, что открыл под Бахмутом месторождение ртути (пожалуй, первое и пока единственное в России), а теперь не ведает, как с этой ртутью развязаться.

— А что? — Или многие отравились этой заразой?

— Хуже, — сказал Миненков. — Месторождение на крестьянской земле, помещиков нету. Сам я небогат, посему составил товарищество на паях с местными дворянами. Но они потолкались вокруг да около, в успех разработок ртути не слишком-то уверовали и компания распалась. А крестьянский мир хватает меня за глотку, чтобы платил по договору за наем их земель. У меня же одни долги и боюсь суда. Саша, будь другом — выручи и пристрой меня в своем Богословском округе. Ей-ей, а?

Ауэрбах подумал. Прикинул. Ответил:

— Чудак ты, Алешка! Надо искать иной выход.

— Какой? — спросил друг, вставая.

— Закуси, — ответил Ауэрбах. — Лучше я сейчас дам тебе толику денег для уплаты долгов, а ты... о чем думаешь?

— Продать эту ртуть и больше с нею не связываться.

— Так вот, — заключил Ауэрбах, — ты ртуть не продавай.

— А почему?

— Я сам куплю у тебя этот прииск.

Договорились, что Миненков вернется в Бахмут и, как только сойдет снег, вызовет его телеграммой.

— Извещай фразою «снег сошел» — и я пойму...

Так вредная и полезная ртуть вошла в его жизнь! Но о короне ртутного короля, да еще не столичного, чуть позже...

Софья Павловна, навещая мужа в Богословске, видела то, что ускользало от его взоров. Она сразу заметила на улицах попрошаек-сирот, узнала от женщин, что незамужние девицы беременеют, и, чтобы избежать вселенского позора, сами же делают себе аборт, отчего многие и помирают. Об этом у неё разговор с мужем состоялся ещё при наследниках Башмакова, которые не были тароваты на дела милосердия, и Александр Андреевич отвечал жене:

— У меня полно иных забот, и я хотел бы прежде устроить в Богословске училище, чтобы привязать подростков к горному делу. Не спорю, родильный приют, конечно, надобен, но денежки, моя дорогая, на этот приют выкладывай из своего редикуля.

Когда округ стал владением Половцевых, Ауэрбах завел в городе приют для сирот, со всей округи свозили в Богословск бездомных детей, девочек обучали уходу за коровами, мальчики осваивали ремесла, осенью дети ходили в лес, собирая грибы и ягоды на зиму.

Надежда Михайловна Половцева была дамою щедрой:

— Даю вам карт-бланш на любую сумму и делайте что хотите, ибо

я сама из подкидышей, потому и понимаю, как необходимо для утверждения нравственности именно все доброе... Простите, Александр Андреевич, я кажется, вас перебила?

— Да нет,— сказал Ауэрбах,— у меня не выходит из головы грешная мысль о создании в Богословске театра, наконец, людям надобно читать лекции — о природе, по истории, всякие.

— Да, да, да! И пусть будет театр бесплатный.

— Вот тут я с вами не согласен,— возражал Ауэрбах.— Когда в аптеках дают бесплатные лекарства — так надо. Но нельзя же развращать людей мыслью о доступности мира искусства. Нет! Пусть рабочий с женою выложат в кассе хотя бы гривенник, чтобы знали — музы берут с людей необходимую пошлину...

Платный театр он создал, а вот лекции для рабочих нарочно сделал бесплатными. Но зато в дверях клуба поставил дядю Васю, человека опытного по части выпивки, и тот, за версту почуяв неладное, вопрошал со всей строгостью:

— А ну дыхни, мать твою за ногу! Выпил — нельзя.

— Дядь Вась, да это ишо опосля вчерашнего.

— Приходи завтрава, и чтобы — ни-ни, иначе не пушу...

А жизнь шла своим чередом. У хорошего хозяина ничто даром не пропадает. Вот увидел Ауэрбах дым из фабричной трубы:

— Сколько же добра на ветер вылетает! Надо подумать...

Сера, улетающая при обжиге медных руд, побудила строить заводик для её переработки. Зато из дыма появилась серная кислота, значит, для торговли ею нужны и особые бутылки, будь любезен, заводи стеклянное производство. Но кислоты был избыток, значит, опять ломай голову, Ауэрбах, думай, на то ты и хозяин...

— Чем черт не шутит! Пусть будет у нас и фосфорный завод, чтобы использовать избытки серной кислоты на месте.

— Но потребуется немало кости,— подсказали ему.

— А на что Сибирь-матушка, в которой чего-чего, а уж костей-то всегда наберется. Организуйте закупку...

Главное же сейчас — чугуноплавильный завод, чтобы дать Сибири гигантское количество рельсов для уникальной железнодорожной трассы. Одно цеплялось за другое, а люди едут и едут, значит, нужны жилища. За одну зиму дома срубили, по весне их поставили в ряд, вот и улица, по вечерам освещенная электричеством, а в домах — водопровод и канализация... Однажды летом 1894 года Богословск посетила Надежда Михайловна Половцева и удивилась богословскому обществу: её встречали на пристани профессора, инженеры, студенты, артисты. Приехала она не просто так — ради серьезного разговора, о чем Ауэрбах и догадался с первого же вопроса:

— Александр Андреевич, как вы ко мне относитесь?

— Видит бог — очень хорошо.

Половцева намекнула, сколько денег ушло на строительство металлургического завода и нового города при этом заводе.

— Очень много,— соглашался Ауэрбах, кивая.

— И у меня возникло желание, не совсем скромное.

Ауэрбах распустил бороду, развел руками:

— Кто платит за музыку, для того и оркестры играют.

— Я хочу,— скромно потупилась Надежда Михайловна,— чтобы завод называли Надеждинским, а сам город — Надеждинском...

И завод её имени и город в честь неё были созданы, а теперь он называется Серовым (в память о летчике А. С. Серове). А первый гудок первого парохода уже аукнул с гудком первого паровоза. Профессор Тиме сам доставил из Антверпена в Богословск новейшие машины — их сгружали с помощью могучей русской «Дубинушки». В январе 1896 года началась прокатка рельсов, хотя столичные газеты и каркали, что ничего не получится, что Ауэрбах фантазер, а Надеждинские заводы сорвут все планы укладки рельсов вдоль Сибирской магистрали.

— Никакой прогресс невозможен,— утверждал Ауэрбах,— если в людях не развито высокое чувство гражданского долга, а главной пружиной активности человека всегда была, есть и будет его бескорыстная любовь к Отечеству...

За скорое создание Надеждинского завода и города её имени Надежда Михайловна Половцева вознаградила Ауэрбаха премией в 125.000 рублей. Эти денежки «плакали» для Софьи Павловны, сразу отложенные супругом для важного дела.

— Догадываюсь, тебя потянуло в Бахмут,— сказала жена.

— Нет, моя милая, на этот раз в Испанию...

... Как ранее и договорились за выпивкой, Алеша Миненков в свое время известил о том, что «снег сошел», и Ауэрбах тогда же-по весне — осмотрел бахмутские месторождения ртути. Сомнений не было: можно смело закладывать шахты, чтобы добывать руды, насыщенные ртутью. После этого он и отправился в Испанию — в знаменитый Альмаден, где находился главный ртутный прииск, поставлявший ртуть всему миру. В дороге Ауэрбах припомнил даже Плиния, у которого сказано, что древний Рим закупал в Испании громадное количество ртути.

— Им-то она зачем понадобилась? Правда,— рассуждал Миненков,— в древности, пардон, пытались лечить запоры вливанием в больного ртути, благо она своей тяжестью способна выбить из человека любую пробку, возникшую от обжорства.

Ауэрбах от истории возвращался к насущной практике:

— Россия до сих пор своей ртути не имеет, а если нашей ртути хватит только на градусники, чтобы измерять температуру, или на то, чтобы выдирать зеркала,— так и это хорошо...

Осмотрев Альмаден, они навестили австрийскую Идрию, где тоже проводилась добыча ртути; по дороге на родину Ауэрбах был задумчив: опыт испанцев, хотя и древнейший, ничего не дал ему, зато новейший опыт австрийцев он решил перенять для себя.

— Премия от мадам Половцевой пришлась кстати,— сказал он жене по возвращении.— К этой премии, Сонечка, приложим все наши сбережения, чтобы Россия обрела свою ртуть...

Но ещё предстоял тяжелый разговор с Надеждой Михайловной.

Красивая и эффектная женщина, она предстала перед ним, словно сошедшая с тех портретов, что писали с неё знаменитые Жалабер, Крамской и Каролус-Дюран.

— Итак,— начал Ауэрбах,— завод и город я для вас построил, поезда из Санкт-Петербурга до Владивостока катятся по вашим рельсам, у вас своя флотилия из восьми пароходов и сорока барж. В богадельнях и приютах Богословска старики и дети молят бога о вашем здравьи, а я... я пришел с вами прощаться.

— Вы чем-то недовольны, мой друг?

— Напротив, мадам, я доволен всем. Но, поймите меня правильно, таков уж у меня беспокойный характер: я не могу долго стоять на одном месте — я должен танцевать.

— Так вы и танцуйте... в паре со мной!

Ауэрбах внятно растолковал женщине: Богословск, где главное все уже сделано, становится для него тесен, словно клетка для зверя, а ему необходим простор для новых прыжков.

— Наконец, пора подумать и о возрасте, который заставляет меня спешить, и вы, дражайшая Надежда Михайловна, не пытайтесь удерживать меня, лучше расстанемся друзьями...

Расстались. Миненкова он уже не отпускал от себя:

— Ты первым начал, вот и надрывайся заодно со мной. Если раньше годовое потребление ртути Россией не превышало четырех тысяч пудов, так давай, братец, и мы станем пока придерживаться в добыче ртути именно этой цифры...

Русский рынок получил свою ртуть, но дешевизна её добычи заставила Ауэрбаха думать о вывозе её на европейский рынок. Ауэрбах немедленно протянул от завода подъездные пути — и ртуть, коварная и обольстительная, словно порочная женщина, тяжело и густо, переливаясь фальшивым серебром, потекла за границу. Уже в 1897 году Александр Андреевич получил 37.600 пудов ртути.

Успех! Первый в России ртутный завод доставил ему ордена, почет и чин действительного статского советника, равный званию генеральскому.

— Боже мой,— хохотала жена,— помнишь ли тот забавный пикник с Берсами и Львом Толстым в ночном лесу, когда ты, безумец, хотел поджечь стог сена в мою честь? Разве думала я тогда, что ты сделаешь из меня генеральшу? Ведь живи я в былые времена, и я бы имела право ездить на шестерке лошадей с форейтором, орущим благим матом: «Пади, пади, пади!..»

Все газеты не забыли отметить «коронацию» нового короля — ртутного! Ауэрбах остудил веселье жены:

— Я вынужден взять из Госбанка ссуду в полмиллиона рублей, а чтобы гасить проценты, мне предстоит потесниться, образуя акционерное общество «А. А. Ауэрбах и К°»...

Главный пакет акций он удержал при себе. Наверное, Ауэрбах вышел бы победителем из любых финансовых передрыг, если бы не война с Японией и не забастовки на транспорте. Война забрала почти весь подвижной состав железных дорог, а стачки путейцев

завершили паралич ртутных заводов. Ауэрбах взывал к правительству, чтобы ссудило ему хотя бы триста тысяч рублей — ради спасения завода. Но денег ему не дали, и он спустил пакет акций по дешевке, униженный этим, а те жулики, которым достались его акции, заставили Ауэрбаха ещё более потесниться.

— Что же с нами теперь будет? — волновалась жена.

— С нами? — Не знаю. Зато со мною все уже ясно, из кресла председателя акционерного общества я вынужден пересесть на колченогий шаткий стул рядового члена правления...

Наконец, неизбежное случилось:

— Я разорен, — объявил Ауэрбах жене. — Наше счастье, что сыновей я успел поставить на ноги, а мы... Не лучше ли утешиться сознанием, что когда-то я был королем?

Номер его домашнего телефона был 559, но теперь у барышень-телефонисток все реже просили соединить с этим номером. Так всегда и бывает с королями, когда они лишаются короны.

— Что же осталось нам? — тоскливо спрашивала жена.

— Не огорчайся! Впереди прекрасная пора осеннего увядания. В этой чудесной жизни все закономерно... Надо не забыть предупредить сыновей: пусть торопятся, ибо жизнь человеческая очень коротка!

Советую ещё раз глянуть на портрет Ауэрбаха, исполненный его большим другом — передвижником Н. А. Ярошенко; чувствуете, сколько ума, сколько энергии заключено даже в позе этого беспокойного человека, а в ворохе деловых бумаг затаились конторские счета, чтобы сначала подсчитывать победные прибыли, а потом откидывать трескучие костяшки убытков...

Александр Андреевич скончался в 1916 году.

.....
Мне хорошо запомнились слова Ауэрбаха, ныне звучащие несколько банально:

— Главное в жизни человека — честно исполнить долг перед своим народом и перед своим Отечеством...

А теперь, читатель, мы и подумаем: так ли уж банальны эти слова? Ведь они были сказаны не худшими людьми, а лучшими. И произносили их от чистого сердца, никем не принуждаемы.

